

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 19-го Июля 1909 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9742.

КЪ ПОЛТАВСКИМЪ ТОРЖЕСТВАМЪ.

Государь Императоръ на выставкѣ въ зданіи губернской земской управы.

Съ фотографіи Хмѣлевскаго.

„ПОМНИШЬ?“.

СКАЗКА.

Была весна. Воздухъ былъ прозрачный и точно звенѣль отъ радости. А старая деревья, одѣтые нѣжной листвой, весело шептали другъ другу: „помнишь? помнишь?“...

„Помню, помню, мечтательно говорила тоненькая березка.—Но что же не идетъ она? Когда я вижу ея золотыя кудри, чудится мнѣ, что солнце свѣтить ярче... Я такъ люблю касаться вѣтвями ея головки... А она и не взглянетъ на меня... Ахъ, люди, самые прекрасные черсты!... И березка вздохнула...

— Я счастливѣе, загудѣлъ дубъ,—она вырѣзала что-то на моей корѣ. Видишь ранку? Она болитъ. Конечно, это было легкомысленно и невѣжливо. Но ея тонкіе пальчики съ ножемъ были такъ красивы, а въ глазахъ блестѣли слезы... Я много пережилъ и умѣю прощать...

— А помните, помните, зашептала старая липа...—Подъ моими вѣтвями она долго сидѣла съ нимъ... Тихо го-

ворили они... И внезапно блѣднѣла она... А потомъ снова вспыхивала и робко виновато улыбалась.

— Какъ хочется мнѣ, заговорилъ красный тюльпанъ, чтобы она сорвала меня и приколола на груди.. Я такъ молилъ ее объ этомъ... Она рвала цвѣты... но меня не замѣтила,—тогда я еще не распустился... Теперь она навѣрное сорветъ меня, и я умру на груди ея... Я—ея рыцарь... Но вы все равно не поймете меня...

— Конечно, это странно, тоненькимъ голосомъ сказала ромашка.—Помнишь, мою сестру она сорвала, чтобы по лепесткамъ ея погадать, и сестра изъ мести сказала: „не любить“. Она долго, долго плакала.

— Что за бѣда, разсмѣялись бабочки,—онъ не любить, другой полюбить, не все ли равно?... Одинъ, другой, третій... Мы живемъ для любви...

— Это легкомысленно, тягуче проговорила рѣка,—зато сколько-же среди васъ утопленницъ!...

А соловей, смотря на небо, сказалъ:

— Любовь, слезы—вотъ счастье... Люби и страдай, пѣль я ей...

Тревожно, зловѣще запушмѣла осина...

— Все это страшно... Вездѣ, вездѣ роковая тайна, и горький обманъ на днѣ... Горе, горе ей!

И засмѣялись въ отвѣтъ деревья...

Душная лѣтняя ночь застыла въ лунномъ свѣтѣ... Еле дыша, стояли потемнѣвшія деревья, съ нѣгой протягивая вѣтви навстрѣчу душистому вѣтерку... И когда прилеталъ онъ, шептали ему деревья: „помнишь, помнишь?“.

— Она ждала здѣсь и была такая блѣдная,—шептала липа...—Онъ пришелъ... а она не смѣла взглянуть на него...

— А потомъ поцѣлуи... поцѣлуи... и молчали они...—нѣжнымъ голосомъ проговорила березка...

— Глубокое счастье, какъ и глубокое горе, молчть, задумчиво зашелестѣлъ дубъ.

— Это неправда,—быстро заговорила бабочка, кокетливо взмахивая крыльышками, чтобы очаровать лунный лучъ...—Я счастлива, безумно счастлива, и всѣмъ это скажу. Я много лю-

КЪ ПОЛТАВСКИМЪ ТОРЖЕСТВАМЪ.

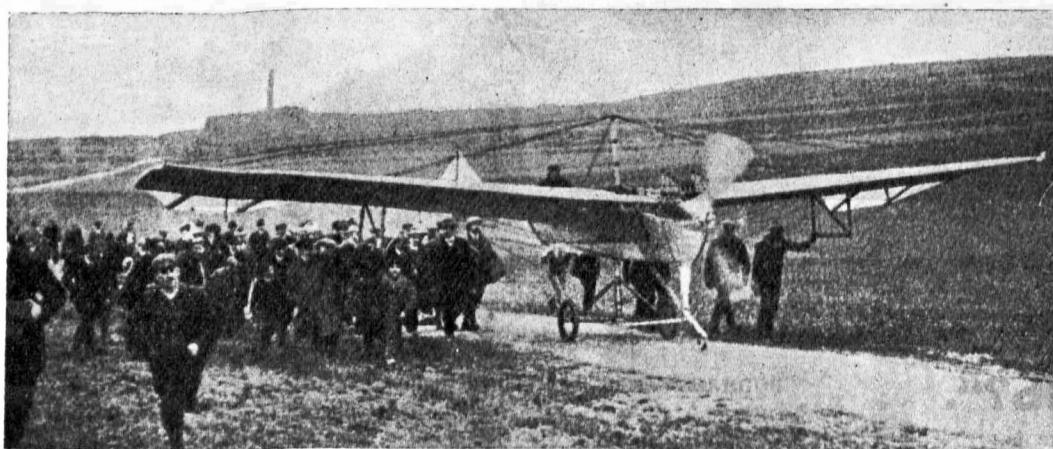
Воины въ костюмахъ Петровского времени.

Съ фотографіи Хмѣлевского.

била, и никогда не страдала. Теперь я влюбилась въ огонь, что горить въ окнѣ старой башни,— я сейчасъ полечу туда и поцѣлю его... И она улетѣла.

Лунный лучъ поблѣднѣлъ—онъ любилъ бабочку...

А развалившаяся бѣсѣдка сказала: "много счастья и много горя видѣла я. Что только разказать могла бы—но старая уже, память измѣняетъ. Помню дѣвушку—но когда это было, этой весной, или много—много лѣтъ назадъ—не помню. Можетъ быть, то мать ея была, или привидѣние... Старая, вздохнула она, и хрустнули ея кости...—А все-таки хорошо весной!"...

Къ полету Блеріо черезъ Ламаншъ.

А сердце? я дамъ тебѣ свое сердце... но оно умѣеть только страдать..."

И земля убралась золотыми одеждами, нарумянила лицо... А солнце холоднымъ яркимъ лучомъ освѣтило ее, — и зажглись ея огни...

Дышали они чуднымъ ядовитымъ ароматомъ...

И красавицы такой не было еще...

Грустно шептались деревья, прощаюсь съ улетающими листьями...

"Помниши, помниши? громкимъ шопотомъ, рѣдая, говорила старая липа... —Она пришла сюда, шатаясь, и упала на траву... Она была блѣднѣй лунного луца... И дрожала..."

И рвала свои золотые волосы... "Помниши, она подошла ко мнѣ и, прошептавъ, "не любить", стала обрывать мои листья..."

"Мнѣ было такъ болно. И это было единственной лаской..."

Ядзинская.

Лѣтнія колоніи Х. О. Грамотности.

Съ фотографіи А. Л. Кордеса.

Павель переводить глаза на милое лицо дѣвушки, которое, какъ будто въ зеленой рамкѣ, видно на балконѣ въ листьяхъ плюща и взбѣгающего вверхъ по ниткамъ гороха, и отвѣчаетъ:

— Такъ себѣ. Не нахожу.

— О, Павель, но это же гадъ; гадко лгать мнѣ въ глаза и спорить противъ того, что ясно, какъ Божій день.

Марися—хорошенъя. Гдѣ ты найдешь такие прекрасные синіе глаза? Посмотри...

— М— да... глаза у нея, дѣйствительно, хороши. При томъ синіе глаза—такая рѣдкость.

— То-то. А нось? Посмотри, какой у нея нось. Тонкій, прямой, прекрасной формы. Гдѣ еще ты встрѣтишь такой нось?

— Черть возьми, ея нось, дѣйствительно, прекрасенъ.

— А овалъ ея лица? Эти какъ будто немногого худыя щечки, въ которыхъ такъ много прелести, если взглянуть на нихъ пристальнѣ, Павель.

— Хорошо.

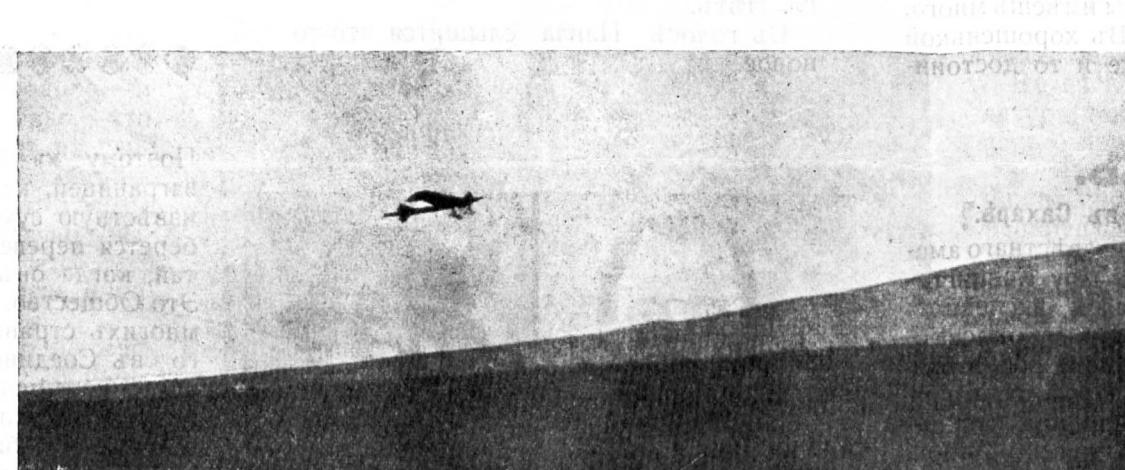
— Ну, что же?

— Онѣ прелестны. Будь онѣ хоть чуть-чуть полнѣй, все было бы испорчено.

— Ага, ты думаешь то же, что и я. У тебя есть вкусъ, Павель!

— Мерси.

— Теперь обрати вниманіе на ея пышныхъ блокурыя косы. Право, мнѣ кажется, что я еще никогда не видѣла такихъ косъ. Когда на нихъ смо-

Къ полету Блеріо черезъ Ламаншъ.

— Да, Марисей. Не правда ли, славное имя?

— Такъ себѣ.

— Ну, а ея наружность заслуживаетъ большаго. О Марисѣ совсѣмъ нельзя сказать, что она такъ себѣ. Марися—хорошенъя.

— Развѣ?

— Пожалуйста, не разыграй вайность. Вѣдь, я все равно не повѣрю.

— Если тебѣ такъ хочется, я скажу. Дѣло въ томъ, что ты засматриваешься на Марисю, а мнѣ это не нравится, Павель.

— Боже мой, да развѣ я смотрю на нее?

— Ну конечно.

— Да гдѣ же она, гдѣ?

— Прямо передъ тобой, на балконѣ.

— Ахъ, да. Но я смотрѣлъ мимо балкона и ничего не замѣчалъ.

— Увы, я не такъ наивна, чтобы вѣрить мужчинамъ, когда они говорятъ, что не замѣчаютъ хорошенъя женщинъ. Скажи ты мнѣ это лѣтъ пять назадъ, я, можетъ быть, повѣрила бы. Теперь нѣть.

— Марго подозрительно смотрѣтъ на Павла и спрашиваетъ:

— Не правда ли, она—хорошенъя?

КЪ СОБЫТИЯМЪ ВЪ ПЕРСИИ.

тришь, на память приходятъ легенды и старыя саги, гдѣ у всѣхъ красавицъ пышныя косы, которыми, раздѣвши, онѣ могутъ окунаться, какъ плащемъ. Такія же косы у древне-германскихъ женщинъ на картинахъ, которые мнѣ случалось видеть, Павель.

— Да... у этой Мариси замѣчательные волосы.

— А губки, а бровки, а подбородокъ? Будь я мужчиной, Павель, я бы непремѣнно старалась поцѣловать эти губки.

— Гм...

— Какой красивый изгибъ у бровей Мариси. Онѣ не черезчур прямы, не черезчур круглы. Онѣ изогнуты такъ прихотливо, какъ зигзагъ молнии, которая проплываетъ черную тучу. И этотъ изгибъ бровей страшно идетъ къ Марисѣ.

— Ты права.

— Подбородокъ ея немного полонъ. Не правда ли?

— Я этого не нахожу.

— Немного полонъ. Не спорь, Павель. Но знай, Марисѣ дьявольская удача во всемъ. Представь, даже и это къ ней идетъ. Къ ней все идетъ. Ужъ это такъ всегда бываетъ. Помнишь, у Гейне: „если ты имѣешь много, то еще тебѣ дадутъ“. Въ хорошенъкѣй женщинѣ кажется даже и то достоин-

СМѢСЬ.

Подъ руководствомъ извѣстнаго американскаго египтолога, Доу Ковингтона, на-дняхъ отправилась экспедиція внутрь Сахары съ цѣлью отыскать „мѣдный городъ“. Извѣстіе объ этомъ таинственномъ городѣ пришло въ первый разъ прошлой зимой при посредствѣ арабовъ изъ Семусси. Арабы случайно попали въ эту страну, лежащую очень далеко отъ обычныхъ караванныхъ дорогъ. Хотя ихъ повѣствованія походили на сказку изъ тысячи и одной ночи, однако, Доу Ковингтонъ послалъ въ то мѣсто нѣсколько надежныхъ людей. Тѣ, вернувшись послѣ долгой, исполненной трудовъ и опасностей поѣздки, извѣстіе это подтвердили. Далеко въ глубинѣ пустыни они внезапно увидѣли куполы и крыши какого-то города. Сначала они подумали, что ихъ обманываетъ *fata morgana*; но, подойдя ближе, убѣдились, что дѣйствительно видятъ передъ собой городъ, давно покинутый жителями. Всѣ дома были построены изъ мѣди, которая прекрасно сохранилась въ сухомъ пескѣ пустыни. Находящіеся внутри домовъ мѣдные предметы, нѣкоторые изъ которыхъ они привезли египтологу, опредѣленно египетскаго происхожденія. Вблизи города они видѣли много также мѣдныхъ гробницъ съ бронзовыми дверями. Ученые въ Каирѣ думаютъ, что извѣстіе это отчасти пре-

Саттаръ-Ханъ, вождь персидскихъ революционеровъ.

ствомъ, что въ другой показалось бы недостаткомъ. Ахъ, Павель, Павель, какая хорошенькая эта Марися. И ты смѣлъ это отрицать? Глупецъ!

— Теперь я не отрицаю этого, Марго. Нѣть.

Въ голосѣ Павла слышится что-то новое.

Гартингъ.

Бинтъ

(его помощникъ въ Парижѣ).

увеличено, но опирается на дѣйствительность. Къ тому-же въ старинныхъ рукописяхъ найдены указанія, которыя можно отнести къ „мѣдному городу“. Согласно этимъ историческимъ источникамъ, городъ относится къ Птоломеевої эпохѣ.

8,000 труповъ на борту парохода.

Американскія газеты сообщаютъ, что на-дняхъ изъ Нью-Йорка вышелъ въ Китай пароходъ „Шимоза“ съ довольно-таки страннымъ грузомъ. Пароходъ этотъ скромныхъ размѣровъ, но на борту его помѣстилось 8,000 труповъ.

Извѣстно, что правовѣрные китайцы считаютъ, что они не вкусятъ вѣчнаго блаженства, если ихъ тѣла не будутъ погребены въ родной странѣ.

Марго глядѣть на Павла, настороживается и спрашиваетъ:

— Что ты говоришь?

— Она очаровательна, Марго!

— Что, что? Повтори, Павель.

— Она очаровательна, Марго.

Сказать по правдѣ, она очаровательна и не можетъ не нравиться. И я не замѣтилъ ее раньше? Чудеса!

Павель съ недоумѣніемъ пожимаетъ плечами, и глаза его безъ словъ говорятъ: „удивительныя вещи случаются на свѣтѣ“?

Марго дѣлаетъ большіе глаза и говорить рѣзко:

— Ты съ ума сошелъ, Павель!

— Почему?

— Она не дурна, но... что въ ней особеннаго? Что за странный, пожалуй, даже страстный тонъ? О, мужчины, мужчины! Они охотно готовы дѣлать изъ муhi слова и бѣжать за юбкой каждой ничтожной дѣвчонки!

— Но, вѣдь, ты же сама говорила, Марго...

— Что я говорила? Ничего я не говорила. Пожалуйста, не выдумывай на меня. А теперь я скажу кое-что... теперь я не могу не сказать: ты гадокъ и подлъ, и... я тебя ненавижу!

А. Грузинскій.

Поэтому каждый китаецъ, живущій заграницей, каждый годъ уплачиваетъ извѣстную сумму Обществу, которое берется перевезти трупъ его въ Китай, когда онъ умретъ не на родинѣ. Это Общество, имѣющее отдѣленія во многихъ странахъ міра и больше всего въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ число китайцевъ очень значительно, периодически пересыпаетъ прахъ умершихъ на чужбинѣ китайцевъ въ Гонконгъ, гдѣ тѣла уже и хоронятся окончательно. Общество обязуется въ каждый гробъ класть по фунту жаренаго свиного мяса и полфунта риса.

Останки Оскара Уайльда.

На-дняхъ въ Парижѣ состоялось перенесеніе останковъ Оскара Уайльда съ кладбища въ одномъ изъ предмѣстій, гдѣ они временно были погребены, на кладбище Пэръ-Лашезъ. Перенесеніе состоялось въ присутствіи одного изъ сыновей поэта и нѣсколькихъ лицъ изъ тѣснаго кружка умершаго. Надъ могилой въ скоромъ времени будетъ воздвигнутъ памятникъ.

